

ЭМИГРАЦИЯ ПРИВОЛЖСКИХ КОЛОНИСТОВ-НЕМЦЕВ В АМЕРИКУ

Истекшее десятилетие 70-х годов особенно знаменательно и богато выдающимися событиями в истории немецкого Поволжья.

Переименование колонистов-немцев в поселян-собственников с применением к ним общего положения о крестьянах и привлечение бывших колонистов к отбыванию воинской повинности на общем основании с русскими (некоторое изъятие сделано только для немцев-менонитов в виду особенности их религиозных убеждений), в конце разрушили старый, обособленный привилегиями строй жизни приволжских колонистов-немцев. С этого времени они, как поселяне-собственники, пользуясь большими правообязанностями, допускались к более широкой и разнообразной гражданской деятельности. Наравне с русскими, поселяне-немцы призывались к самоуправлению в земском хозяйстве в лице своих гласных, к участию в судах в качестве присяжных заседателей и т.д.

Само собой разумеется, что для более или менее удовлетворительного выполнения новых правообязанностей, возлагаемых послереформенными порядками на поселян-собственников, последние нравственно обязаны быть к тому вполне правоспособны, т.е. должны в надлежащей мере владеть русским языком, как государственным, теперь и для них обязательным в сфере официального делопроизводства, должны проникнуться общностью интересов с коренным русским населением, экономически слиться с ним воедино и всецело отрешиться от своей обособленности в вопросах общегосударственных. Всем недовольным новыми порядками, не желавшим к ним приспособиться, оставалось одно – выселиться из пределов русского государства. Так и случилось: следствием нежелания со стороны колонистов-немцев подчиниться требованиям времени является эмиграция их в Америку.

В начале 70-х годов все недовольные нововведениями в среде колонистов-немцев элементы, пользуясь предоставленным колонистам правом в течение определенного срока (впрочем, с некоторыми ограничениями) выселиться из России, после частных и общих по этому поводу между собой совещаний, выбирают, наконец, от себя доверенных лиц, сведущих людей, и отправляют их

на общий счет депутатами в Америку, с целью приискания там свободных и удобных земель для поселения.

Одна из таких депутатий от колонистов-немцев (южных), между прочим, лично обращалась к бразильскому императору, путешествовавшему в то время по Европе и бывшему в Петербурге.

Депутатами от колонистов-самарцев в Америку посылаемы были трое: Гартман из села Старицы, Майер из Степного и Биссинг из Екатериненштадта. От саратовцев – тоже трое: Миллер из села Гололобовки, Шейбель из Песковатки и Ротфербер из Голого Карамыша. Каждый депутат получил вознаграждения за труды 300 руб. и столько же на путевые издержки.

Месяцев через 5 депутаты возвратились из Америки и некоторые из них привезли с собой оттуда своим доверителям на показ разные вещи: американские денежные знаки, маисовый хлеб, шерсть и волосы различных животных и т.п.

Мнения и рассказы депутатов об Америке, о всем виденном и слышанном ими там были крайне сбивчивы, односторонни и вместе разноречивы. Между прочим, Майер и в особенности Гартман, депутаты-самарцы, бывшие в южной Америке, так описывали своим доверителям эту страну: «здесь растут молочное и кофейное деревья и сахарный тростник; коровы дают молока три раза в день, каждый раз по целому ведру; земли и леса – сколько хочешь... в солдаты вас брать не будут, и стоит вам, добрые люди, доехать только до русской границы, до моря, а далее через море можете переправиться даром, и там уж, в Америке, настанет для вас легкая и счастливая жизнь»...Третий депутат-самарец, Биссинг, из Екатериненштадта (и поныне там проживает это семейство) был, однако, не вполне солидарен со своими коллегами и далеко не разделял их мнения. Он, не отрицая хороших сторон жизни в Америке, указывал на массу препятствий и лишений, какие придется переселенцам перенести прежде, чем они успеют доехать до Америки; объяснял, как умел, климатические и вообще физические особенности южно-американской природы и почвы в частности, как объекта земледелия, те особенности, с которыми пришлось бы переселенцам бороться на первый раз; наконец, указывал на те трудности, какие переселенцы непременно встретят в Америке, как неопытные новички, незнающие тамошней жизни; словом, говорил скорее не в пользу переселения.

Перевес доверия повсюду склонился на сторону Майера и Гартмана. Биссинга не слушали, несмотря на то, молва пронеслась о том, что Майер и Гартман, особенно последний, подкуплены какой-то паровой компанией в Бремене или Гамбурге, почему и не жалеют ярких красок при описании выгод жизни в гостеприимной Америке и совсем умалчивают о том, как трудно туда добраться и как мудрено будет там устроиться. По другим, менее правдоподобным слухам, яко бы депутаты-самарцы из экономии до Америки совсем и не доезжали, а просидели в Гамбурге и во всем положились на услужливых компанейских, заатлантических агентов: говорят и действуют по их советам и указаниям...

Как бы то ни было, но заманчивые рассказы депутатов о всевозможных льготах за морем, на разные лады варьируемые местными краснобаями, соблазнительные, переходившие из рук в руки брошюры иностранных агентов о сказочных урожаях и не бывало быстрых и легких обогащениях в Америке, о чудесах американской, тропической природы, разжигая воображение доверчивых и простоватых поселян, избалованных разными льготами, сделали свое дело и... „Drang nach Amerika“ было окончательно принято и решено. Оставалось только поскорее уехать из этой «негостеприимной» России...

Повсюду между эмигрантами закипает горячая, спешная работа, бьют ключом решимость и отвага. Дедовское добро, добытое целым рядом предшествующих поколений, отцовский дом и полный сельскохозяйственный инвентарь, устроенные и скопленные в течение многих трудовых лет, - все стало не милым, в тягость, и наскоро, иногда за бесценок, продается местным кулакам и раздаривается родным и знакомым на память... Изредка, более предусмотрительные из переселенцев, на случай неудачи в Америке, продавали свои дома и усадьбы с условием, что если по каким-либо непредвиденным обстоятельствам в течение определенного срока продавцы из Америки возвратятся, то все проданное будет за ту же цену им опять возвращено по первому требованию.

Торопливо, с нетерпением, не жалея денег разным доморощенным и иноплеменным ходатаям, будущие американцы выправляют себе увольнительные свидетельства от своих обществ, хлопчут о заграничных паспортах и т.д.

А между тем не в меру разыгравшаяся фантазия неудержимо создает обольстительные образы будущей богатой и счастливой жизни там, в желанной Америке, рисует роскошные картины американской чудной природы... Так что более впечатлительные, поэтические натуры из числа наших эмигрантов увлекаются до того, что не в шутку сравнивают себя с народом Божьим, с евреями в плену вавилонском, а Америку с землей обетованной, с Палестиной... Так неизменно изменяются под влиянием только одних обаятельных надежд наши, обыкновенно флегматически-неподвижные, степняки-немцы. Местные поэты, пользуясь случаем, сочиняют приличную обстоятельством песню.

Песня «бразильцев» (в русском переводе).

Стоят телеги пред дверьми...
Мы едем с женами, с детьми!
Мы едем в славную страну,
Там столько злата, как песку!
Тру-ру-мо-мо, тру-ру-мо-мо,
Скорей, скорей – в Бразилию!

Песня эта перелагается на голос и хором поется.

Так, по описанию А.Р., очевидца-немца из села Кочетного, Самарской губернии, проводили время его земляки, кочетновские «бразильцы», в ожидании заграничных паспортов, выдача которых неожиданно и так не к месту почему-то замедлялась.

А вот и подлинный рассказ об этом самого А.Р. «17 фамилий из нашего села (Кочетное) порешили переселиться в Америку и чем скорее, тем лучше, говорили они. Ходатаем за паспортами выбрали и отправили в Самару известного депутата Майера. Майер уехал. Это было 1875 года, в день св. Иоанна (в июне месяце). Время проходило в лихорадочном ожидании день за днем. Прошла вся рабочая пора, наступила осень, а Майера с паспортами все нет как нет. Наконец, настали морозы и холода. Переселенцы, уже давно распродав все свое имущество и прекратив всякое хозяйство, не имели никаких занятий и, в ожидании Майера с заграничными паспортами, собирались ежедневно друг к другу по очереди, беседовали, сочиняли и пели различные песни. Наконец, Майер возвратился, и переселенцы уже по санному пути уехали. Тут

только, при последнем расставании с родными и отцовским гнездом, прибавляет А.Р., видно было, как им, растерявшимся и горько плачущим, тяжело было покидать свои родные пепелища»...

Как добрались кочетновские «бразильцы» до Америки, А.Р. умалчивает, но далее говорит о том, что ожидало переселенцев в самой Бразилии. «Как стадо овец, погнали нас в большущий сарай, рассказывают возвратившиеся эмигранты. В этом сарае и оставались мы до приискания места поселения». — «Тут только объяснилось, что депутаты-самарцы на самом деле не оправдали возлагаемых на них доверителями полномочий, как разъясняет этот печальный факт другой земляк «бразильцев», А.Л. Он прямо говорит, что «депутаты эмигрантов обманули и мест для поселений не осматривали и не приискали, вопреки своим уверениям. Поэтому нужно было поиски земель начинать снова самим эмигрантам на собственный страх и риск». Эта первая серьезная неудача естественно должна была сильно озадачить их и, несомненно, имела решающее влияние на их дальнейшую незавидную участь.

Следующая затем в течение трех лет пребывания их в Америке позднейшая «одиссея» кочетновских «бразильцев», к сожалению, покрыта для нас мраком неизвестности. Но в 1878 г. некоторые из них, еще уцелевшие и не затертые окончательно и бесследно бурным водоворотом американской жизни, около 10 фамилий, побывав в Буэнос-Айресе, пожив в Парагвае и не найдя подходящего места поселения, разочарованные Америкой, полные отчаяния порешили вернуться, у кого еще оставались средства на дорогу, на свою старую родину – в Россию.

«Многие из них дорогой умерли и были брошены в море, а 5 человек ослепли. Летом 1878 года оставшиеся в живых кочетновские «бразильцы-неудачники» оборванные, измученные и больные прибыли в свое старое, три года тому назад брошенное, гнездо – село Кочетное; но уже не с тем, с чем из него уехали: пешие, с дубинкой в руках, с сумой на спине и без гроша денег. Ко всем этим бедам присоединилась еще новая: сыновей возвратившихся эмигрантов, несмотря на 24-летний возраст, без жребия взяли в солдаты. Теперь уже никто более и не подумает из наших поселян ехать в Америку». Так оканчивает свой откровенный и бесхитростный рассказ о кочетновских эмигрантах их земляк, А.Р., поселянин-собственник села Кочетного.

Для большей ясности и полноты рассматриваемого события в истории немецкого Поволжья приведем еще несколько характерных примеров. Об эмигрантах из села Ровного, Самарской губернии, сообщает нам следующее их односелец К. «В октябре месяце 1876 года уехали от нас в Америку более 130 человек. Все они имели свои дома и хозяйства. Из этих переселенцев в 1881 году (через 5 лет) возвратились опять в Россию 10 фамилий, около 40 человек, в самом бедственном положении: многие вынуждены были просить милостыню. Один из возвратившихся ровненских переселенцев, некто Шпехт, до отъезда в Америку был одним из богатых в нашем селе. Он имел до 35 лошадей, много рогатого скота, большой, хороший дом и несколько амбаров. Все это он за бесценок тогда продал и со всей семьей уехал в Америку. Там умерла у него жена и охромел один сын. По возвращении в Ровное, старик умер с горя в большой бедности; оставшаяся после него семья занимается поденной работой. Что побудило фамилию Шпехт переселиться в Америку, остается и теперь неизвестным, загадкой, прибавляет К., потому что хотя старик Шпехт и имел 5 сыновей, но все они были свободны от воинской повинности»... (Вероятно, по летам).

Такой же загадкой, вернее прихотью и упрямством разжиревшего колониста, избалованного материальным довольством и разными льготами, надо признать переселение в Америку и многих других из поволжских немцев и, между прочим, например, некоего Майера из Екатериненштадта, Николаевского уезда, человека богатого, сравнительно, владевшего двухэтажным каменным домом, лавкой с красным товаром и совсем не имевшего сыновей. Уже только эти два, приведенные как пример, факта достаточно иллюстрируют и характеризуют повод к выселению наших приволжских немцев из России. Во всяком случае в этих двух фамилиях и многих других им подобных боязнь военной службы, страх перед солдатчиной, не могли иметь ни малейшего значения и места в вопросе о выселении их в Америку.

Более счастливыми по переселению¹ оказываются эмигранты из сел: Суслы, Самарской губернии, Гололобовки и Щербаковки, Саратовской, переселившиеся в Северную Америку.

Вот что, между прочим, об эмигрантах из села Суслы,

---

¹ Из 20 колоний, поименованных в прилагаемой к этому очерку таблице, за 7 лет, с 1874 года по 1881 г.

Новоузенского уезда, сообщает нам И.Ш., их односелец и близкий родственник: «в 1876 году из нашего села переселилось в Америку, в Соединенные Штаты, около 30 семейств, всего 240 чел. Между ними мои дедушка с бабушкой и два брата. Все они житье свое там хвалят и никто возвращаться в Россию не желает».

Были и такие, например, случаи: в 1875 году из колонии Таловки, Саратовской губ., выселились 15 фамилий, 5 из них возвратились в Россию, но уже не в Таловку, а поселились на Кавказе, в местечке Михаэлисдорф. Переселенцы из села Брунненталь, Самарской губернии, Кистер, Гизик и Гергерт, на пути через Атлантический океан, как сами они рассказывают, подверглись кораблекрушению и 36 часов продержавшись на мачтах погибшего корабля, спасены были едва живыми другим судном, случайно подоспевшим к ним на помощь... А некоторые из немцев-менонитов эмигрировали даже в глубь Средней Азии, во владения бухарского эмира.

Итак, из имевшихся под руками при составлении этого очерка данных, собранных в 1882 году от лиц, близко стоящих к эмигрантам, относительно 20 приволжских немецких селений, поименованных в прилагаемой к сему таблице, видно, что эмиграция, подготавливавшаяся с первых годов истекшего десятилетия, в середине семидесятых достигает высшей степени интенсивности. И, как известно, несмотря на возвращение из Америки многих эмигрантов нищими, больными и калеками, продолжается и в настоящее время, хотя уже и не в таких размерах.

Теперь дело переселения в Америку не представляет уже столько темного, неведомого и страшного, как в первые разы. Всякому желающему переселиться туда и не имеющему, конечно, к тому сторонних препятствий, теперь стоит только наметить пункт, облюбовать местечко, уже более или менее насиженное земляками, эмигрантами-пионерами, списаться с ними и поступать по их указаниям.

По письмам уцелевших и укрепившихся в Америке переселенцев, бывших наших колонистов-немцев, можно, между прочим, прийти к тому заключению, что некоторым из них, более счастливым, живется там недурно; но редкие решаются сказать, что лучше и довольнее, чем в России. Например, эмигранты Вамбольт, Шпреуэр и Шмидт, выселившиеся в 1875 году из села Олешни,

Саратовской губернии, в Северную Америку, в Арканзас, пишут оттуда, что живут хорошо... и только, а некто Миллер, их сотоварищ, говорит откровеннее и договаривает: «правда, и здесь хорошо, но в России все-таки лучше и я охотно возвратился бы в Россию, если бы имел средства на дорогу». И это пишет один из тех, которые оставили Россию из боязни попасть в солдаты, зная, что теперь без жребия он должен бы был пойти в военную службу, как то и случилось с некоторыми из возвратившихся эмигрантов-немцев, бывших на очереди по призыву до переселения. Тем не менее, чуть не в каждом письме от американских братьев к своим приволжским землякам заключается самое горячее приглашение поскорее приезжать к ним в Америку. Но приглашениям этим уже не совсем доверяют: поддаются соблазнам эмиграции более осмотрительно и не так легкомысленно пускаются на переселение, как в первое время. Люди зажиточные не будут эмигрировать уже потому одному, что «от добра добра не ищут, а бедняки, раз обжегшись на молоке, будут дуть и на воду».

В заключении считаем не лишним привести благой совет одного из более искренних и благоразумных «американцев» своим землякам, приволжским колонистам-немцам: «кто хочет из вас есть картофель и капусту (о свинине уже и упоминать не решается) и пить кофе, тот пусть лучше остается в России».

По Самарской губернии из 11 колоний с 1875 года по 1878 год включительно

№	Колония	Уезд	Веро- испове- дание	Год	Место переселения	Выселилось		Число фам., имев. дом и хозяйство	Возвратилось		Примечание
						фами- лий	лиц		фами- лий	лиц	
1	Кочетное	Новоузен.	Католич.	1875	В Южн. Америку	17	120	17	7	50	Цифры, обозначающие количество фамилий и лиц как выселившихся, так и возвратившихся, по губернии в некоторых случаях, за отсутствием точных, указаны приблизительно.
2	Ровное	- « -	- « -	1876	- « -	20	150	20	10	40	
3	Брунненталь	- « -	Лютеран.	1876	В Северн. Америку	17	130	17	1	5	
4	Нидермонжу	- « -	- « -	1878	- « -	1	8	1	0	0	
5	Суслы	- « -	Католич.	1876	- « -	30	240	30	0	0	
6	Привальное	- « -	Лютеран.	1875	- « -	5	20	5	0	0	
7	Шенталь	- « -	- « -	1876	- « -	19	140	19	7	49	
8	Липов Кут	- « -	- « -	1876	- « -	2	10	2	1	5	
9	Краснополье	- « -	Католич.	1875	В Южн. Америку	10	70	10	2	9	
10	Екатериненштадт	Николаев.	Лютер. Католич.	1875	- « -	12	100	12	3	22	
11	Орловское	- « -	Лютеран.	1877	В Северн. Америку	3	30	3	1	5	
Всего из 11 колоний за 4 года					—	136	1018	136	32	185	

По Саратовской губернии из 9 колоний с 1874 года по 1880 год включительно

№	Колония	Уезд	Веро- испове- дание	Год	Место переселения	Выселилось		Число фам., имев. дом и хозяйство	Возвратилось		Примечание
						фами- лий	лиц		фами- лий	лиц	
1	Гололобовка	Камышин.	Лютеран.	1874	В Сев. Америку	20	150	20	0	0	Цифры, обозначающие количество фамилий и лиц как выселившихся, так и возвратившихся, по губернии в некоторых случаях, за отсутствием точных, указаны приблизительно.
2	Олешня	- « -	- « -	1875	- « -	3	20	3	Неизвестно		
3	Верховье	- « -	Католич.	Неизв.	- « -	Неизвестно		5	Неизв		
4	Таловка	- « -	Лютеран.	1875	В Южн. Америку	15	85	14	5	30	
5	Щербаковка	- « -	- « -	1878 и 1880	В Сев. Америку	13	70	13	0	0	
6	Копенка	- « -	Католич.	Неизв.	В Южн. Америку	1	7	1	0	1	
7	Голый Карамыш	- « -	Лютеран.	1876	В Сев. Америку	Неизв.	16	Неизвестно			
8	Норка	- « -	- « -	1875	- « -	20	140	20	Неизвестно		
9	Медв. Крест. Буерак	Аткарского	- « -	1876	- « -	20	145	20	3	3	
Всего из 9 колоний за 7 лет					—	99	648	98	13	—	

Таким образом, из приведенной таблицы, между прочим, видно:

По Самарской губернии из двух уездов дал эмигрантов более Новоузенский, а по Саратовской, тоже из двух, Камышинский. По годам в обеих губерниях преобладают 1875 и 1876. В эмиграции принимают участие оба вероисповедания, лютеране и католики, причем первые более выселяются в Северную Америку, а последние – в Южную. Все эмигранты до выселения отличались сравнительным довольством и зажиточностью: все (кроме одной из Таловки) фамилии имели собственные хозяйства и свои дома. Из Южной Америки, где депутатами были Гартман, Майер и Биссинг (католики), возвратилось эмигрантов более, нежели из Северной, куда депутатами ездили Миллер, Шейбель и Ротфербер (лютеране). Из села Щербаковки после удачного выселения в 1878 году последовало новое в 1880.

А. Б—ский.

Саратовский листок, 1888, № 18, с. 1-2.